

В душе внезапно вспыхнуло раздражение. Тан Чжао не стала объясняться, а вместо этого высвободила свою руку из захвата Минды:

— Ваше Высочество, сколько вы собираетесь держать меня в заточении? День-два? Или год-два?!

Минда, глядя на свою освобожденную руку, сжала губы и через мгновение проговорила:

— У меня не было такого намерения.

Тан Чжао, не глядя на нее, продолжала дуться. Затем почувствовала, как рукав ее одежды слегка дернули, потом еще раз, и, наконец, его немного покачали из стороны в сторону. Постепенно гнев начал утихать — это был их старый детский обычай. Мягкая маленькая принцесса иногда могла вызвать раздражение, но, стесняясь извиняться или понимая, что извинения бесполезны, она использовала этот способ, чтобы подлизаться и показать свою привязанность.

Этот метод почти всегда работал, и сейчас, похоже, не подвел?

Минда уже много лет не позволяла себе капризничать, ведь не было никого, перед кем она могла бы это делать.

Когда-то у нее было много объектов для капризов: мать, пока она была жива, затем отец и старший брат, а позже — Сун Тин, который всегда был готов баловать ее. Но десять лет назад отец скончался, а восстание унесло жизнь ее возлюбленного. Единственный оставшийся брат тоже был на грани. С тех пор она не только потеряла тех, перед кем могла капризничать, но и вынуждена была взять на себя ответственность, которая ей не принадлежала.

С того момента маленькая принцесса в одночасье повзрослела. Она стала настоящей принцессой империи, участвуя в государственных делах и помогая раненому брату стабилизировать ситуацию. Позже появился Сун Чжэнь, и она начала учиться быть матерью и старшим наставником.

Десять лет — это слишком долго, и Минда почти забыла, что когда-то была наивной и беззаботной, что тоже дергала чей-то рукав, чтобы подлизаться. До сегодняшнего дня, когда, столкнувшись с раздраженной Тан Чжао, она неожиданно для себя легко повторила этот жест.

Осознав это, Минда почувствовала неловкость, но, раз уж дело было сделано, решила не останавливаться и продолжила капризничать.

Рукав Тан Чжао качался раз за разом, и каждое движение словно проникало в ее сердце, заставляя его трепетать. Остатки гнева, словно проколотые иглой, постепенно рассеялись под действием Минды.

Через некоторое время Тан Чжао наконец отдернула рукав и, как много раз прежде, обернулась к Минде с усталым взглядом:

— Ваше Высочество, чего же вы хотите?!

Этот знакомый тон сразу дал понять Минде, что гнев Тан Чжао почти утих. Кончики ее ушей покраснели от смущения, но в душе она тайно радовалась:

— Значит, ты больше не злишься?

Тан Чжао сжала губы, но на этот раз не пошла на уступки, как раньше, а слегка отвернулась — то, что Минда не выпускала ее из дома, изначально не вызывало у нее особого беспокойства, и несколько капризов принцессы могли бы все исправить. Но ситуация с Сун Чжэнем была другой. Она чувствовала, что не может быть столь великодушной, но и поднимать эту тему было неловко.

Ведь она сама обманула Минду, выдав себя за мужчину, и указ покойного императора о браке больше не имел силы. У нее не было права обвинять принцессу от имени жениха. И хотя Минда позволила Сун Чжэню выдать себя за ее посмертного сына, она не собиралась позволять ему претендовать на титулы и власть семьи Сун.

Тан Чжао, привыкшая быть снисходительной к Минде, считала, что это не такая уж большая проблема, и потому не хотела поднимать этот вопрос.

Минда, пережившая многое, уже не была столь наивной, как раньше, и, взглянув на выражение лица Тан Чжао, сразу поняла ее мысли. Она хотела что-то объяснить, но, учитывая деликатность вопроса о происхождении Сун Чжэня, решила сказать лишь часть правды. Подойдя ближе, она взяла Тан Чжао за руку и произнесла:

— Не сердись, сначала послушай меня...

Для них держаться за руки не было чем-то неприемлемым, это было естественным жестом — с тех пор, как Минду спас Сун Тин, она стала очень привязана к ней. Тогда они обе были еще детьми, и не было никаких запретов на физический контакт. По мере взросления маленькая принцесса привыкла к такому общению, а Сун Тин, зная, что она на самом деле женщина, имела иное представление о границах между мужчинами и женщинами.

В общем, держаться за руки и капризничать для них было совершенно нормальным. Но для посторонних это выглядело совсем иначе.

Например, для маленького Сун Чжэня, который случайно оказался у входа в боковой зал и был потрясен увиденным.

Что, что он только что видел? Его холодная и сдержанная мать, словно маленькая девочка, взяла за руку старшего брата Тан? А его серьезный и сдержанный старший брат Тан даже не

отказался, а лишь с капризным видом отвернулся, словно ожидая, что мать снова начнет капризничать или сделает что-то еще?!

Сун Чжэнь подумал, что, возможно, он не проснулся или ему все это снится. В замешательстве он развернулся, чтобы уйти, но, будучи слишком рассеянным, не заметил дверной косяк и с громким стуком в него врезался.

Этот шум наконец привлек внимание Тан Чжао и Минды, особенно Минды, которая уже собиралась рассказать правду, но была вынуждена прерваться. Принцесса обернулась и увидела Сун Чжэня, который, держась за лоб, тихо стонал от боли. Не теряя времени, она бросилась к нему:

— А-Чжэнь, с тобой все в порядке? Ты где-то поранился?

Говоря это, Минда уже отодвинула руку Сун Чжэня, прикрывающую лоб, и, увидев шишку, не смогла сдержать сочувствия:

— Ну как же ты мог так неосторожно идти и врезаться в дверной косяк?!

Сун Чжэнь ударился сильно, скривившись от боли, но произнес с недоумением:

— Я что, сплю?

Минда подняла руку, чтобы прикоснуться к шишке на голове Сун Чжэня, но, едва коснувшись, он отшатнулся от боли. Она тут же рассердилась и расстроилась:

— Разве ты не чувствуешь боли? Как ты мог подумать, что это сон?!

Сун Чжэнь поднял глаза с обиженным видом, вспомнив то, что видел ранее, но не зная, как об этом сказать.

Мать и сын выглядели очень близкими, но Тан Чжао, оставленная в стороне, чувствовала себя неловко — она вспомнила их первую настоящую встречу в этой жизни, когда Сун Чжэнь попал в аварию на лошади, и она спасла его. Когда Минда, получив известие, примчалась в академию, она была так же взволнована. Настолько взволнована, что видела только Сун Чжэня и больше никого.

Тан Чжао снова почувствовала горечь и пустоту, ощущая, что потеряла свое прежнее место в сердце Минды. Постояв некоторое время, она не смогла больше смотреть на эту «материнскую любовь» и, развернувшись, ушла.

Минда, занятая осмотром шишки на голове Сун Чжэня, даже не заметила этого.

Сун Чжэнь заметил, но сейчас он тоже чувствовал себя сложно по отношению к Тан Чжао, так что не стал ее останавливать — он всегда считал старшего брата Тан другом, а теперь тот

переехал в их дом и, возможно, станет ему отцом. Как он должен к этому относиться?!

Как ни посмотри, это кажется довольно безнадежным.

Только когда пришел врач и осмотрел Сун Чжэня, подтвердив, что шишка на голове не опасна, Минда наконец вспомнила о Тан Чжао.

Она тут же огляделась, но, после того как ее так долго игнорировали, в боковом зале уже никого не было.

Вспомнив все, что произошло, Минда почувствовала тревогу, понимая, что все ее попытки подлизаться, вероятно, прошли даром. Взволнованная, она, убедившись, что с Сун Чжэнем все в порядке, приказала служанке:

— Позаботьтесь о юном господине.

Служанка почтительно поклонилась, и Минда, не совсем уверенная, взглянула на Сун Чжэня, но все же решила поскорее найти Тан Чжао и объяснить.

<http://bllate.org/book/15453/1370974>